
Церковная благотворительность в годы Первой мировой войны

Татьяна Леонтьева

Church charity during the First World War

Tatiana Leontieva
(Tver State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23040119, EDN: HNQWUM

Забота о «сырых и убогих» обычно составляла мирскую обязанность Церкви. Эта форма её деятельности — в соответствии с многовековой христианской практикой — именовалась каритативной. На другом полюсе находилась благотворительность, исходившая от имущих классов и сильных мира сего. В условиях войны 1914–1918 гг. два разных «лагеря» и подхода слились за счёт подключения различных видов пожертвований со стороны «низов», что выходило за рамки привычного понятия о благотворительности. Как развивалось это взаимодействие в годы военных испытаний? Смогли ли представители различных классов и институтов искренне объединиться для противостояния общему несчастью?

В литературе последних лет представлены различные аспекты данной темы. Наиболее полно исследована благотворительная деятельность императорской семьи и высших классов¹, представителей духовенства², меньше — частных лиц. Обстановка военного времени обусловила широкий спектр каритативных практик — организацию госпитального дела, поддержку семей воинов (включая раненых и погибших), опеку детей-сирот, мобилизацию денежных и материальных средств на нужды армии, оказание помощи пленным православным священникам. Доминирующая мотивация всех фигурантов — христианское сострадание и патриотизм. При этом исследователи нередко отождествляют патриотизм и лояльность, любовь к родине и низкопоклонство перед властью.

Следует учитывать, что за рамками обстоятельного научного анализа обычно остаются и многочисленные факты проявления так называемой народной благотворительности. Представляется, что расширение социальных границ в исследовании благотворительности, анализ многочисленных свидетельств представителей различных слоёв российского общества позволят не только вы-

© 2023 г. Т.Г. Леонтьева

Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времён до наших дней». Публикуется в целях апробации.

¹ См.: Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004; Ульянова Г.Н. Императрица Мария Фёдоровна в российской благотворительности: материнское попечение о страждущих // Императрица Мария Фёдоровна. Жизнь и судьба. СПб., 2006. С. 103–119; Ульянова Г.Н. Филантропическая активность общества // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014. С. 447–456; Ковальская Е.Ю. Николай II и великая княгиня Елизавета Фёдоровна: взаимодействие в сфере благотворительности // Российская история. 2019. № 2; и др.

² Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917. М., 2015. С. 262–265.

явить искренность и частоту благородных порывов военных лет, но и определить реальные масштабы подлинного, неафишируемого патриотизма.

Благотворительные начинания уже в августе 1914 г. последовали «сверху» — от царской четы. 11 августа был опубликован указ Николая II «Об образовании Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов», который возглавила императрица Александра Фёдоровна, сопредседательницами стали вел. кн. Елизавета Фёдоровна и вел. княжна Ольга Николаевна. Этим же указом учреждался Комитет по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну, под эгидой Елизаветы Фёдоровны.

Святейший Синод Русской Православной Церкви также инициировал рядом особых указов и определений организацию помощи не только пострадавшим воинам и беженцам, но и русским военнопленным, в том числе священникам³. Определение 20 июля 1914 г. № 6502 стало программой пастырской и благотворительной деятельности всего православного мира⁴. Оно призывало без промедления откликнуться и жертвовать «на врачевание раненых и больных воинов и на вспомоществование семействам лиц, призванных на войну»⁵.

Власти империи, официально считавшейся православной, требовали от Церкви и духовенства корпоративной сплочённости, единения с паствой, взаимопонимания со светской властью в выполнении задач, сомнительных с точки зрения христианской нравственности. Речь шла об обосновании необходимости и даже «полезности» войны, разоблачении враждебных замыслов государств-противников. Известно, что Церкви не удалось в полной мере вдохновить русскую армию и тыл на победу, но совершенно очевидно её стремление и готовность нести бремя войны вместе с властью и народом.

Уже в первые дни войны определением Синода от 20 июля 1914 г. № 6503 предписывалось в каждом приходе (!) открыть «попечительные» советы о семьях мобилизованных. В мирное время сторонникам приходской реформы приходилось убеждать высшую церковную власть в необходимости более тесного «сотрудничества» настоятелей и паствы в рамках выборных приходских структур. Между тем церковные «верхи» отрицали идею выборности в любых её проявлениях. Однако в условиях войны пришлось разрешить приходские собрания, наделив их весьма широкими полномочиями. Так, в создаваемых советах мирянам были доверены решающие права и функции (председательство, выявление нуждающихся, изыскание средств)⁶. Решению пресловутого приходского вопроса, связанного с необходимой демократизацией прихода, данные указания отнюдь не способствовали⁷, однако существенно воздействовали на

³ Подробнее см.: *Карпук Д.А.* Деятельность Святейшего Синода по организации пастырского служения среди русских военнопленных в годы Первой мировой войны // *Христианское чтение*. 2015. № 6. С. 188–201.

⁴ Указы и определения Святейшего Синода представлены в издании: *Рункевич С.Г.* Великая Отечественная война и церковная жизнь. Исторические очерки. Кн. 1. Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. Пг., 1916.

⁵ Цит. по: *Ольга (Быховцева), мон.* Патриотическое служение русского женского монашества в годы Первой мировой войны (URL: http://spas-monastery.by/library/articles_and_publications.php?id=6210).

⁶ Ярославские епархиальные ведомости. 1914. № 49. 7 декабря. С. 1025.

⁷ Подробнее: *Фриз Г.* Война и реформа: Российская православная церковь в годы Первой мировой войны, 1914–1917 годы // *Вестник Тверского государственного университета*. Сер. История. 2015. № 1. С. 107–109.

карикативные начинания. Считается, что сформулированные Синодом «общие основания» для организации попечительных советов исключали возможные бюрократические вмешательства и «обеспечивали широкую возможность местной инициативы и самостоятельности» собраниям прихожан⁸.

В общем, церковные «верхи» повели себя в духе светской власти, разрешившей проявление народной инициативы в рамках Земского и Городского союзов в критических обстоятельствах. При этом было очевидно, что организация приходских советов рассматривалась как *временное* явление, отнюдь не затрагивавшее сложившихся принципов церковной организации.

Послания Синода нашли отклик довольно скоро. К примеру, из приговора прихожан Вознесенской церкви села Тутани Тверского уезда следует, что 7 сентября 1914 г. крестьяне «под присмотром» священника учредили приходской попечительский совет для организации помощи семьям, которые вследствие мобилизации «нижних чинов» лишились кормильцев. В состав совета кроме «непременных членов» (причта и церковного старосты) вошли крестьяне от каждой из деревень прихода⁹. Определением № 6502 Синод устанавливал обязательства по сборам пожертвований в пользу Красного Креста, отводу помещений под лазареты и пункты помощи раненым воинам, подготовке персонала из числа монашествующих. По распоряжению обер-прокурора в синодальном доме наскоро оборудовали лазарет на 50 мест, осенью расширили его вдвое¹⁰.

Впрочем, на территориях, прилегающих к театру военных действий, события развивались независимо от начальственных предписаний. Одними из первых образцы христианского бескорыстия обнаружили священнослужители прифронтовых областей. Так, при больнице Почаевской лавры открылся перевязочный пункт, монахи стали братьями милосердия, приобретали на свои средства перевязочные материалы, необходимый инвентарь, продукты питания. Скоро появились раненые и в центральных губерниях. Первые потоки население встречало цветами, восторженными приветствиями, вкусной едой. Однако, когда по дорогам потянулись перегруженные подводы с изуродованными телами солдат (железнодорожного транспорта не хватало), которых по прибытии на место попросту сваливали на землю, стало ясно, что требуется серьёзная организация помощи страждущим на всём пути их следования¹¹.

Раненые становились центральной фигурой общественной жизни не только из сострадания, но и вследствие крайнего беспорядка в организации их лечения. Правительство, которое понадеялось на быстротечную войну, оказалось неспособным самостоятельно решить проблемы опеки первых жертв военных действий. В дальнейшем картина становилась ещё более неприглядной: в военных госпиталях уже к осени 1914 г. свирепствовали тиф, дизентерия, холера; численность умирающих от ран и болезней стремительно росла. На фоне вялотекущего внутрицерковного кризиса пропагандистская кампания позволяла Русской Православной Церкви вновь проявить себя «первенствующей и господствующей» на всём конфессиональном пространстве России.

Со страниц церковной прессы неустанно звучали призывы к милосердию (что в условиях войны отождествлялось с призывом к единству): «не смущай-

⁸ Рункевич С.Г. Указ. соч. С. 26–27.

⁹ Государственный архив Тверской области (далее — ГА ТО), ф. Р-2335, оп. 1, д. 63, л. 2–3.

¹⁰ Рункевич С.Г. Указ. соч. С. 51–52; 70–71.

¹¹ Варнек Т. Воспоминания сестры милосердия // Добровольцы. М., 2001. С. 23–25.

тесью скудостью своих жертв»; «помощь требуется немедленная»¹². Практически все епархии подключились к делу призрения раненых, беженцев, членов семей мобилизованных¹³. «Попечительные советы» в числе первых открылись в Смоленской епархии, Житомире (Волинская епархия)¹⁴, а затем почти во всех приходах империи.

Несмотря на пожелания Синода инициировать активность мирян, возглавил каритативные движения епископат. Архиепископ Волинский Евлогий (Георгиевский) лично координировал госпитальное дело, составлял лазаретные сметы, собирал пожертвования¹⁵. Точно такие же шаги предпринимал в Тверской епархии владыка Серафим (Чичагов), выделив среди прочего почти 45 тыс. руб. на оборудование лазарета при загородном архиерейском доме¹⁶. Владыка (в прошлом — военный) покровительствовал 109-му Волжскому полку, снабжая воинов тёплыми вещами. Не исключая пропагандистскую подоплёку публичных откровений, отмечу, что на страницах «Тверских епархиальных ведомостей» в его адрес публиковались благодарственные письма излечившихся раненых и военных, получивших подарки¹⁷.

Повсеместно владыки старались активизировать каритативную деятельность собственными примерами. Архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл (Смирнов) сам встречал санитарные поезда. Крупнейшим в Ярославской епархии госпиталем № 218 во имя Иоанна Кронштадтского на 150 мест, открытом при ростовском Спасо-Яковлевском монастыре, заведовал епископ Угличский Иосиф (его начинания были отмечены благодарственной телеграммой Николая II)¹⁸. Сбором средств на нужды военного времени в Пензенской и Саранской епархии лично руководил архиепископ Митрофан¹⁹. Архиепископ Холмский Анастасий регулировал вопросы продвижения беженцев, которые порой отказывались двигаться вперёд, сомневаясь в наличии питательных пунктов²⁰. Викарий Владивостокской епархии (с 1916 г. — епископ Петропавловский) Нестор (Анисимов), основатель Камчатского благотворительного братства, снарядил и возглавил санитарный поезд, который на протяжении двух лет курсировал на линии фронта. По возвращении в 1916 г. Нестор немедленно организовал Комитет по сбору средств для оказания помощи русским воинам, первоначальным взносом в фонд Комитета стали его золотые ценности²¹. Псковский владыка Евсевий (Гроздов) призвал духовенство епархии ежемесячно отчис-

¹² Церковный вестник. 1914. № 48. Стб. 1453–1454; Ярославские епархиальные ведомости. 1914. № 49. 7 декабря. С. 1024–1025.

¹³ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2787, л. 10 об.

¹⁴ Смоленские епархиальные ведомости. 1914. № 17. 1–15 сентября. С. 547; *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 233.

¹⁵ *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию... С. 262; *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 233.

¹⁶ Записки сестры милосердия Анны Ждановой / Сост. В.В. Глафинова, Е.А. Селунская, Р.А. Манилов. Тверь, 2014. С. 235; Тверские епархиальные ведомости. 1914. № 43. 27 октября. С. 711.

¹⁷ Тверские епархиальные ведомости. 1915. № 3. 19 января. С. 22; № 24. 15 июня. С. 375.

¹⁸ *Захарова Е.В.* Деятельность православных монастырей Верхнего Поволжья по вспомоществованию больным и раненым воинам русской армии (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Война и мир в новейшей истории России. Материалы научной конференции. Ярославль, 2010. С. 40.

¹⁹ Пензенские епархиальные ведомости. 1914. № 23. 1 декабря. С. 981.

²⁰ *Никольский Е.А.* Записки о прошлом. М., 2007. С. 246–251.

²¹ *Нестор (Анисимов), митр.* Мои воспоминания. М., 1995. С. 153.

лять 2% причтовых доходов на нужды армии, разослать подписные листы для индивидуальных пожертвований, поставить во всех храмах епархии кружки для сбора средств на организацию епархиальных лазаретов²².

Единичные акции быстро переросли в массовое госпитальное движение. Московские монастыри постановили ежемесячно отпускать 12 тыс. руб. на содержание раненых, в Троице-Сергиевой лавре устроили лазарет на 200 кроватей²³. В Твери уже в августе 1914 г. в летнем доме епархиального владыки разместились лазарет на 50 коек. На его содержание выделили 40 тыс. руб. из монастырских капиталов. В центре города в здании духовной семинарии для приёма раненых подготовили 500 мест. На территории Тверской губ. на епархиальные средства один за другим открывались лазареты в монастырях, помещениях духовных училищ²⁴. В патриотическом порыве священник Константин Лебедев и прихожане крошечного населённого пункта Кесова Гора оборудовали лазарет на 10 коек и в начале сентября были готовы принять раненых²⁵.

Принимали на излечение раненых в монастырях Псковской епархии²⁶. В Туле Братство Св. Иоанна Предтечи предоставило 9 зданий церковно-приходских школ для размещения преимущественно беженцев духовного звания²⁷. Все духовные школы Тульской губ. разместили в своих классах раненых и больных²⁸, некоторые священники устраивали раненых в собственных домах²⁹. В октябре 1914 г. костромское духовенство открыло госпиталь на 35 мест. В августе епархиальные лазареты появились в Перми, Томске, Барнауле, Пензе³⁰. К ноябрю 1914 г. в Симбирской губ. на нужды фронта из церковных средств выделили 2394 руб.³¹ К 1 января 1916 г. духовенством Нижнего Новгорода было пожертвовано 16 799 руб., по епархии собрано 46 850 руб. Настоятель Рождественской церкви Нижегородской епархии о. Николай Цветаев на средства гр. Строганова сформировал санитарный поезд, во главе которого отправился в Галицию. В 1916 г. Николай II пожаловал ему золотой наперсный крест на Георгиевской ленте, затем наградил орденом Св. Анны II степени³².

В церковной прессе тиражировалась информация о благотворительной кампании петроградских духовных учебных заведений, снарядивших санитарный поезд, персонал которого состоял из учащихся-добровольцев. Преподавательские корпорации взяли на себя обязательство до окончания войны еже-

²² Псковские епархиальные ведомости. 1914. № 19. 1–15 октября. С. 413–414.

²³ Церковный вестник. 1914. № 41. Стб. 1238.

²⁴ ГА ТО, ф. 128, оп. 1, д. 17, л. 22–22 об.; Церковный вестник. 1914. № 43. 23 октября. Стб. 1301; Записки сестры милосердия Анны Ждановой. С. 50; *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М., 2004. С. 168.

²⁵ ГА ТО, ф. 128, оп. 1, д. 17, л. 22.

²⁶ Псковские епархиальные ведомости. 1914. № 20. 16–31 октября. С. 438–439.

²⁷ *Лисицына О.Л.* Социальная и благотворительная помощь тульского духовенства в годы Первой мировой войны (по материалам «Тульских епархиальных ведомостей») // Первая мировая война: год 1914-й. Материалы международной научной конференции. Тула, 22–25 апреля 2014. Тула, 2014. С. 165.

²⁸ Московские церковные ведомости. 1917. № 3–4. 21 января. С. 55.

²⁹ *Лисицына О.Л.* Социальная и благотворительная помощь тульского духовенства в годы Первой мировой войны... С. 165.

³⁰ Пензенские епархиальные ведомости. 1914. № 23. 1 декабря. С. 981.

³¹ *Ерусланова Р.И.* Социальная помощь в Поволжье в годы Первой мировой войны. М., 2013. С. 39, 40.

³² *Голубин Р.В., Морохин А.В., Николаев Д.А.* Нижний Новгород и Нижегородская губерния в годы Первой мировой войны. Н. Новгород, 2014. С. 17, 20–25, 15.

месячно отчислять на нужды поезда 5 тыс. руб., а жёны и дочери профессуры Петроградской духовной академии — поставлять тёплое бельё³³.

После открытия 23 июля 1914 г. по инициативе императрицы склада вещей в залах Зимнего дворца по всей стране начался масштабный сбор вещей для нужд воюющих. Православные приходские попечительства принимали от жертвователей теплую одежду и бельё, обувь и головные уборы, мыло и табак, сахар и сухари. Затем круг опекаемых расширился, и повсеместно для семей мобилизованных, запасных и резервных полков собирали продукты, дрова, лекарства, денежные средства³⁴. В Пскове жёны и дочери духовенства, ученицы епархиального духовного училища и учительницы церковно-приходских школ открыли в училищном здании мастерскую для пошива белья и склад для сбора готовых вещей. Всё необходимое для швей поставлялось из приходов епархии и частично — от Красного Креста. Начальница училища, возглавлявшая мастерскую и склад, фиксировала все поступления. Из её отчётов следует, что даже малообеспеченные семьи священнослужителей не могли остаться в стороне и жертвовали одну наволочку, моток ниток или несколько носовых платков³⁵.

По ходатайству председательницы дворцового склада А.И. Горемыкиной (супруги председателя Совета министров) был установлен специальный ежемесячный кружечный сбор, распространявшийся и на столичные храмы³⁶. В ноябре 1914 г. в церковной печати появилось обращение обер-прокурора Синода, где наряду с призывами к денежным пожертвованиям разъяснялась важность заготовки тёплых вещей, которых фронтовикам катастрофически не хватало. В целом, только в 1915 г. силами православного духовенства на нужды фронта удалось собрать 6,1 млн руб.³⁷ Для небогатых жертвователей это было значительной суммой, однако представители власти надеялись на большее.

Следует особо отметить деятельность женских монастырей. В церковном ведомстве они оказались, пожалуй, наиболее подготовленными к реалиям военного времени. Ещё в 1910 г. по специальному указу Синода и при поддержке вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны послушниц и монахинь стали обучать сестринскому делу в подразделениях Красного Креста. Специальная комиссия разработала проект, в соответствии с которым обучение было организовано без ущерба для канонического уклада монастырей. В тех обителях, где уже действовали лечебные учреждения (Воскресенский Новодевичий монастырь в Санкт-Петербурге, московская Владычье-Покровская обитель, Красностоцкий монастырь Гродненской епархии, киевский Покровский монастырь) открылись медицинские курсы, по окончании которых слушательницам присваивалось звание запасной сестры милосердия Российского общества Красного Креста. С началом войны 140 выпускниц этих курсов направились в монастырские лазареты подготовки сестёр на местах³⁸.

В систему женских монастырских общин входила и организованная по иноческому чину Марфо-Мариинская обитель милосердия (открыта в 1909 г.

³³ Псковские епархиальные ведомости. 1914. № 17. 1–15 сентября. С. 372–373.

³⁴ Тверские епархиальные ведомости. 1914. № 49. 8 декабря. С. 801–807; № 50. 15 декабря. С. 829–849; Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015. С. 214.

³⁵ Псковские епархиальные ведомости. 1914. № 20. 16–31 октября. С. 438–439.

³⁶ Рункевич С.Г. Указ. соч. С. 58.

³⁷ См.: Церковно-общественный вестник. 1915. № 2.

³⁸ Рункевич С.Г. Указ. соч. С. 63; Ольга (Быховцева), мон. Патриотическое служение русского женского монашества...

вел. кн. Елизаветой Фёдоровной). Монастыри один за другим открывали лазареты (к ноябрю 1914 г. в общей сложности на 4 тыс. мест), приюты для сирот. Настоятельница прифронтового полоцкого Спасо-Ефросиниевского монастыря игуменья Нина (Боянус), в миру аристократка, окончившая философский факультет Лондонского университета, открыла в собственной квартире лазарет на пять мест и содержала его на собственные средства до эвакуации осенью 1915 г.³⁹ На первых порах пункты оказания помощи в женских монастырях по понятным причинам открывались точно, на усмотрение настоятельниц, но после указания Синода «признать участие монашествующих и послушников в сём святом деле желательным»⁴⁰ повсеместно наблюдалось нарастание их активности. Следует принимать во внимание и тот факт, что большинству раненых в не меньшей степени требовалось духовное утешение. Потому по пути следования санитарных поездов монашествующие наряду с представителями белого духовенства на остановках обходили вагоны, исповедуя тяжелораненых, раздавали Евангелия, иконки, свежее бельё, продукты.

В 1915 г. Военное министерство обратило внимание общественности на бедственное положение выздоравливающих и увечных воинов, выписанных из госпиталей и лазаретов, а также детей-сирот. В очередной раз ожидалась помощь со стороны Церкви. Синод обратился к монастырям с призывом разделить страдания народа и принять нуждающихся в реабилитации. Так стали появляться соответствующие «пункты отдыха». В целом, по подсчётам исследователей, к лету 1915 г. почти треть монастырей России оказалась так или иначе задействованной в каритативных практиках: монашествующие обслуживали 8286 койко-мест, собрали 1044 353 руб. на военные нужды⁴¹.

Поддержала начинания духовенства и православная молодёжь. Студенты Петроградской духовной академии на собственные средства организовали лазарет на десять коек, смоленские семинаристы собрали 80 руб.⁴² Церковная пресса тиражировала информацию о воспитанницах старших классов Владимирского епархиального женского училища. Воодушевлённые «чувством патриотизма и любви, сострадания к сражающимся на поле брани», они реализовали свои украшения через специальную лотерею, а на вырученные средства собрали посылки для отправки на фронт⁴³. Воспитанники духовных семинарий и училищ в составе санитарных дружин добровольцами отправлялись на фронт⁴⁴. Даже в 1916 г., когда военно-патриотическая эйфория угасла, сообщалось, что тверские семинаристы продолжали рваться в действующую армию⁴⁵. Из Архангельской духовной семинарии на фронт в 1916–1917 гг. отправились 52 человека⁴⁶. В составе добровольческих дружин (наряду с гимназистами) вос-

³⁹ *Ольга (Быховцева), мон.* Патриотическое служение русского женского монашества...

⁴⁰ *Рункевич С.Г.* Указ. соч. С. 65, 68.

⁴¹ *Ключарёва А.В.* Благотворительная деятельность монастырей в годы Первой мировой войны (URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2011_8-2_25.pdf. с. 101).

⁴² Церковный вестник. 1914. № 44. Стб. 1337; Смоленские епархиальные ведомости. 1914. № 17. С. 557.

⁴³ Ярославские епархиальные ведомости. 1914. № 46. 16 ноября. С. 973.

⁴⁴ В епархиальной прессе сообщалось о добровольцах из Архангельской, Воронежской, Калужской, Московской, Тамбовской, Тобольской духовных семинарий // Пензенские епархиальные ведомости. 1914. № 24. 16 декабря. С. 1026–1027.

⁴⁵ ГА ТО, ф. 575, оп. 1, д. 1550, л. 83.

⁴⁶ *Санакина Т.А.* Духовенство Архангельской епархии в годы Первой мировой войны (1914–1918) (URL: <http://pobeda.ru/duhovenstvo-arhangelskoy-eparhii-v-godyi-pervoy-mirovoy-voyni-1914-1918.html>).

питанники духовных школ направлялись в сельскую местность, где их помощь охотно принимали крестьяне⁴⁷.

Впечатляюще выглядела деятельность Русской Православной Церкви в рамках «Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям». В Тверской губ. его отделение открылось 14 сентября 1914 г. под руководством супруги Тверского губернского предводителя дворянства И.И. Менделеевой и при участии епархиального владыки Серафима. Представители духовенства перечисляли денежные средства в «копилку» отделения (помимо того, что направлялось на сборы в приходские попечительства)⁴⁸. Пермское духовенство через региональное отделение Общества адресовало помощь «бескровным жертвам войны» — женщинам и детям. Только в 1914 г. удалось поддержать 250 семейств⁴⁹. В том же году Центральное правление Общества оказало помощь семьям 7380 военнослужащих на общую сумму более 51 тыс. руб. Помимо этого устраивались лазареты для раненых и приюты для детей погибших воинов⁵⁰. Очевидно, что Церковь и вдохновлённый ею православный мир внесли весомый вклад в развитие госпитального дела.

В 1915 г., когда военные действия развернулись на территории Российской империи, власть и общество столкнулись с проблемой беженства⁵¹. Эвакуация проводилась на заранее подготовленные места, однако спешка и большой наплыв населения (из десяти епархий) обернулись большими проблемами для воюющей России. Ситуация осложнялась ещё и тем, что в числе беженцев оказались монашествующие и причты, желавшие спасти церковные ценности. Многие из них были разорены войной, государственного эвакуационного пособия не хватало даже на пропитание. Ранжировать беженцев не представлялось возможным; в Синоде не находилось достаточных средств. Вновь решили спасаться «всем миром»: по предложению обер-прокурора 8 сентября 1915 г. в праздник Рождества Пресвятой Богородицы с амвонов всех церквей империи священники обратились с призывом помочь беженцам⁵². Предполагалось, что временные мигранты целыми приходами вместе с настоятелями и причтами будут размещены на прилегающих к монастырям местностях в Нижегородской, Рязанской, Тульской и Орловской епархиях. Все хлопоты по обустройству пришлого населения поручались специальным епархиальным комитетам, соподчинённым чиновникам из Синода С.И. Зубчанинову и Н.П. Урусову. По пути следования вглубь тыловых территорий беженцы болели, умирали, иные оседали, где придётся. Так, в Твери в конце 1915 г. оказались 8 тыс. выходцев из прибалтийских губерний, частично их разместили в городской богадельне⁵³.

⁴⁷ Воспоминания Владимира Евгеньевича Елховского (1896–1977), священника // Страницы истории России в летописи одного рода. (Автобиографические записки четырёх поколений русских священников). 1814–1937. М., 2004. С. 535–536; *Ватник Н.С.* Учащаяся молодёжь России в годы Первой мировой войны // *Homo belli* — человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков. Н. Новгород, 2000. С. 114.

⁴⁸ Тверские епархиальные ведомости. 1914. № 51–52. 22–29 декабря. С. 852–862.

⁴⁹ Пермские губернские ведомости. 1915. № 150. 17 июня. С. 3.

⁵⁰ *Зима В.Ф.* Русская православная церковь в период Первой мировой войны. М., 2017. С. 72–73.

⁵¹ *Лапанович С.Ф.* Исследование проблем эвакуации и беженства на территории Беларуси в период Первой мировой войны в белорусской историографии конца XX — начала XIX века // Проблемы новейшей историографии Первой мировой войны. М., 2022. С. 159.

⁵² *Рункевич С.Г.* Указ. соч. С. 153.

⁵³ ГА ТО, ф. 21, оп. 2, д. 130, л. 69–70.

Епархиальные власти повсеместно отдавали под временное расселение монастырские кельи, гостиницы, здания духовных учебных заведений, церковных приютов. Пришлых клириков пытались трудоустроить в храмах на вакантные места. Однако было очевидно, что без чётких правительственных указаний отрегулировать стихийное движение населения практически невозможно. Особое совещание по устройству беженцев, состоявшее из семи членов Государственного совета, постановило создать специальную комиссию с представителями православной Церкви под руководством А.Ф. Кони и официально перенаправить пожелания гражданской власти в церковное ведомство. Обер-прокурор Синода А.Н. Волжин весьма недвусмысленно заявил, что епархиальные ресурсы исчерпаны, и затребовал финансовой помощи от власти. Однако чиновники Государственного казначейства, ссылаясь на закон о беженцах от 15 августа 1915 г., указали, что средства могут предоставлять только общественным организациям. По словам современников событий, «создавалось положение довольно странное. Организации польские, латышские, еврейские могли рассчитывать... на получение пособия из двадцатипятимиллионного фонда... а епархиальные комитеты... не могли»⁵⁴.

Пока в «верхах» искали выход из положения, сердобольные православные, пусть с меньшим энтузиазмом, чем ранее, но всё же поддержали призывы власти. Так, практически во всех монастырях Нижегородской епархии функционировали лазареты и приюты для беженцев: Печерский монастырь выделил 19 келий, где разместились 98 человек, Благовещенский монастырь принял 35 беженцев. Около ста человек расположились в помещении архиерейского дома и в семинарском общежитии⁵⁵. Активно действовали в Калужской епархии Комитеты помощи беженцам: последних селили в монастырях, церковно-приходских школах, домах священников и даже в церковных сторожках. Всего в Калужской епархии удалось разместить около 500 человек⁵⁶.

Не остались в стороне от каритативных начинаний и представители иных конфессий. Московские единоверцы помимо ежемесячных отчислений по 40 руб. открыли детский приют, дом призрения для солдатских семей, лазарет на 100 мест. Их опыт сочли нужным растиражировать в епархиальной прессе⁵⁷.

С началом военных действий предстоятель Русской Православной Старообрядческой Церкви архиепископ Московский и всея Руси Иоанн (Картушин) обратился к императору с выражением верноподданнических чувств московских старообрядцев, в августе 1914 г. он благословил устройство в помещениях богадельни и личных покоях лазарета для раненых, а сам, будучи тяжело больным, «переехал в крохотную келейку, почти чуланчик» в чужом доме на Рогожском кладбище⁵⁸. Этот лазарет, по свидетельству современников, стал крупнейшим церковным лечебным заведением в Москве. Повсеместно староверы жертвовали на войну, помогали семьям мобилизованных, проявляя особую заботу о детях-сиротах⁵⁹. Большинство выпускников Московского старообряд-

⁵⁴ Рункевич С.Г. Указ.соч. С. 168.

⁵⁵ Голубин Р.В., Морохин А.В., Николаев Д.А. Нижний Новгород и Нижегородская губерния... С. 17, 20–25, 15.

⁵⁶ Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014. С. 111–112.

⁵⁷ Пензенские епархиальные ведомости. 1914. № 17. 1 сентября. С. 724.

⁵⁸ Иоанн (Картушин), архиеп. Сочинения. Послания. Письма. Ржев, 2012. С. 56, 62, 359.

⁵⁹ Керов В.В. Старообрядчество в годы Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. М., 2014. С. 252; Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов

ческого богословско-учительского института прошли специальную подготовку и в чине прапорщиков отправились на фронт, где почти все погибли⁶⁰.

Католические приходы и благотворительные организации в России также оказывали помощь жертвам войны, беженцам, военнопленным: открывали ночлежные дома, воспитательные учреждения для детей, пункты питания⁶¹. Особенно важно, что появлялись они в районах с «неустойчивой религиозно-этнической идентичностью».

В Петрограде, Москве, Балашове, Астрахани открыли лазареты евангельские христиане; на нужды Красного Креста регулярно жертвовали общины Тифлиса, Житомира, Риги. Латышские евангелисты организовали мастерскую по пошиву одежды для солдат, а двух своих «братьев» направили санитарами на фронт⁶². Было создано Евангелическое общество Красного Креста, которое возглавила супруга генерала П.К. Ренненкампа, за что её удостоили золотой медали на Аннинской ленте⁶³.

Глава буддистов Восточной Сибири хамбо-лама Д.-Д. Итыгилов организовал Общебурятское общество по сбору пожертвований на нужды войны. К концу января 1915 г. было собрано около 150 тыс. руб., на эти деньги содержался небольшой лазарет на Кавказском фронте и госпиталь на 30 коек в Петрограде. Через год сумма пожертвований выросла до 200 тыс. руб.⁶⁴

Однако служение общему делу не исключало традиционной этноконфессиональной подозрительности: беженцы жаловались, что польские организации обеспечивают питанием только «своих» — католиков (тем не менее некоторые беженцы ухитрялись получать вспомоществование в нескольких организациях)⁶⁵. Литовцы из общества «Родина» предупреждали, что поляки интригуют против «русского» уполномоченного по делам беженцев⁶⁶.

Еврейский комитет помощи жертвам войны получал помощь от Татьянинского комитета для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий⁶⁷. Общая помощь евреям-беженцам составила свыше 31 млн руб., из них 17 млн выделило правительство, 10 млн — зарубежные, по большей части американские организации, остальная сумма поступила из российских еврейских (преимущественно петроградских) благотворительных организаций. Пожертвования русских общественных организаций и частных лиц на этом фоне оказались ничтожными. Несмотря на это, в обществе было распространено мнение, что евреи «хорошо устроились»⁶⁸.

и Сибирь. С. 214.

⁶⁰ Чистяков Г.С. Старообрядчество и Первая мировая война (URL: http://ruvera.ru/articles/staroobryadchestvo_i_pervaja_mirovaya_voyna).

⁶¹ Католическая энциклопедия. М., 2002. С. 610, 1278.

⁶² История евангельских христиан баптистов России. М., 2007. С. 88–89.

⁶³ Ренненкампф В.Н., фон. Воспоминания. М., 2013. С. 54–55.

⁶⁴ Митыпова Г.С. Хамбо лама Д.-Д. Итыгилов в годы Первой мировой войны (по материалам наградных дел буддийских иерархов Восточной Сибири (XIX — начало XX вв.) // Первая мировая война в истории Байкальского региона. Улан-Удэ, 2015. С. 127; Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Чимитдоржиева Л.Ш. Бурятское общество в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в истории Байкальского региона. Улан-Удэ, 2015. С. 145.

⁶⁵ Кудринский Ф. (Богдан Степанец). Людские волны. Генерал от педагогики. Пг., [б/г.] С. 76.

⁶⁶ Никольский Е.А. Записки о прошлом. С. 262–263.

⁶⁷ Zipperstein S. The Politics of Relief: The Transformation of Russian Jewish Communal Life during the First World War // Studies in Contemporary Jewry. 1988. Vol. IV. P. 22–40.

⁶⁸ Подробнее см.: Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 98–101.

Пресса, с одной стороны, восхваляла патриотизм российских мусульман, но тут же отмечала случаи их помощи турецким военнопленным. Один из очевидцев — военнопленный немец — уверял, что «благодаря своим связям с русскими татарами, исповедующими магометанскую веру, они достают то, о чём мы давно забыли»⁶⁹. Врач А. Оберучева отмечала, что успешная работа русских госпиталей и питательных пунктов в юго-западной прифронтовой полосе во многом зависела от отношения к их сотрудникам католического духовенства. Подчас взаимопонимание достигалось с трудом⁷⁰.

Словом, в том, что российская общественность готова была помочь страждущим, сомневаться не приходится. Однако сказывалась социокультурная разобщённость тылового персонала благотворительных организаций и их подопечных. Недовольство последних становилось опасным уже в первые революционные дни⁷¹, так как некогда «христолюбивое воинство» уже не довольствовалось общественной опекой.

Попытки переложить на Церковь и духовенство ответственность за все неурядицы военного быта обнаруживались не только в солдатской среде. Нападки на церковную благотворительность велись со стороны корреспондентов газет и рефлексировавшей культурной публики. «История будущего покажет, как пассивно вело себя духовенство во время войны вообще, во время беженства, в частности, — писал один из обозревателей. — Я не говорю о малозначительном участии духовенства в общественных организациях, связанных с войной, но меня удивляет, что даже в своей специальной сфере оно не проявило ни достаточной инициативы, ни надлежащей деятельности»⁷². Священников призывали повлиять на прихожан, чтобы они жертвовали как можно больше: если война затянется, «энтузиазм прихожан может ослабеть»⁷³.

Поэт Р. Ивнев и вовсе обвинял Церковь в безразличии. «Недавно мы были свидетелями обращения обер-прокурора Св. Синода к монастырям с призывом откликнуться на нужды войны, — уверял он. — Один из богатейших монастырей откликнулся 8 (!!!) рублями, потребовав немедленно дать ему соответствующее удостоверение в получение этих денег... На другой день, чтобы немного “исправить” своё слишком формальное отношение к пожертвованию, он расщедрился и оказал “неоценимую” услугу одному благотворительному обществу, пожертвовав картофель и капусту для раненых»⁷⁴.

Один из бытописателей, руководитель делами по эвакуации и устройству беженцев, не вдаваясь в тонкости православной этики, упрекал настоятеля богатого мужского монастыря в Рославле Смоленской губ. за отказ взять на попечение детей-сирот, среди которых были девочки⁷⁵. В подобных раздражённых, а порой откровенно лживых выпадах давало о себе знать давнее недоверие интеллигенции к Церкви.

Православные публицисты отвечали соответственно. «Кто неистовее кричит о благе Отечества, тот всех сильнее старается отстоять это благо за чужой

⁶⁹ Двингер Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. М., 2004. С. 253.

⁷⁰ Амеросия (Оберучева), мон. История одной старушки. М., 2008. С. 192–193, 204–205.

⁷¹ Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 263.

⁷² Кудринский Ф. (Богдан Степанец). Указ. соч. С. 38.

⁷³ Левитов П.В. Война и духовенство // Церковный вестник. 1914. № 47. 20 ноября. Стб. 1422–1424.

⁷⁴ Ивнев Р. Как победить Германию? Пг., 1915. С. 13.

⁷⁵ Никольский Е.А. Записки о прошлом. С. 246–251.

счёт, да ещё чтоб и приумножить *свой* достаток», — писал некий защитник Церкви с подходящей для этого фамилией Правдолюбов. Своих противников он именовал «паяцами на святом жертвеннике Отечества», «лицемерами пера и фарисеями печати». В качестве примера он называл «Вечернее время», которое «вопит о жертвах на войну и при этом “бичует” почти исключительно православные храмы и монастыри», забывая «о собственных миллионах и о собственных хором». Мало того, газета «забыла» и о «мирских миллиардерах, коими... кишат сословия: дворянское, купеческое... забыло оно и о раскольничьих обителях, храмах и толстосумах... забыло оно об инославных, иноверцах и сектантах!»⁷⁶. «Не слышно ни об одном сколько-нибудь крупном жертвователе на нужды войны из рядов нашего обласканного и утучнённого казною дворянства и купечества!... Не слышно и о том, чтобы раскольничья мошна потрянула златом на войну, а уж за нею ли не ухаживают, особенно в Москве, и правители и “общественные деятели”... Молчат сектантские золотые тузы, которые ныне чрезвычайно усилили сбор денег лишь на пропаганду сектантства в армии и народе!.. Притихли упитанные нашею казною “культуртрегеры” — немцы-колонисты, почивая на богатейших пажитях, обagrённых и добытых русской кровью!.. А прибалтийские и прочие бароны, фоны и повыше?.. А татарские и другие инородческие “князья”?»⁷⁷. Очевидно, что элементы общественного раскола проявлялись даже в гуманитарных начинаниях.

Впрочем, и внутри Церкви на этой почве отчётливо отмечались разногласия. «Пусть Св. Синод и преосвященные архиереи не ограничиваются лишь воззваниями и посланиями, а принесут на алтарь войны те капиталы и деньги, которые поступают к ним и излишни для удовлетворения неотложных текущих нужд, — писал 25 июля 1915 г. из Перми протоиерей Н.Р. Диковский члену Государственной думы протоиерею Я.И. Гришковскому. — Пусть монастыри, все без изъятия, обратятся в богадельни, приюты, больницы; вон из монастырей всех тунеядцев-послушников... Мобилизовать и временно отдать в распоряжение государства все капиталы, отобрать лишнее золото, серебро, не имеющее археологической, исторической и художественной ценности, и отдать в распоряжение государства по оценке с обязательством возврата после победоносного окончания войны»⁷⁸.

Случаи разномыслия и общественных дискуссий, предвзятого отношения к благотворительной деятельности православного духовенства и мирян отнюдь не умаляют их усилий, нацеленных на заботу о воюющих и нуждающихся в тылу. Государство в очередной раз успешно «мобилизовало» Церковь для решения «светской» задачи — консолидации населения для успешного ведения войны. В ответ последовало растущее разочарование, причём недовольство распространилось на священников, не только благословлявших войну, но и помогавших вычерпывать средства из истощённого войной народа. Однако нельзя не отметить искреннего сострадания тылового населения, готового опекать и жертвовать. В годы Первой мировой войны православный мир в последний раз в истории Российской империи ощутил себя милосердным, духовно сплочённым и пока ещё верным царю и Отечеству.

⁷⁶ Правдолюбов И. Современные «ревнители» Церкви и Отечества. М., 1915. С. 1–3.

⁷⁷ Там же. С. 12.

⁷⁸ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 1007, л. 61 об.